

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: DD66ABEA-632B-4D80-B06A-F89DFE1C3E8B

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Двадцатипятилетие
бесплатной музыкальной
ШКОЛЫ**
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0034
IV.....	.0051
V.....	.0057
КОММЕНТАРИИ.....	.0061

В. В. Стасов
Двадцатипятилетие
бесплатной музыкальной
школы

Бесплатная музыкальная школа основана в Петербурге четверть века тому назад, и не понапрасну просуществовала столько времени на свете. Она дала богатые плоды. Она, конечно, займет одну из самых крупных страниц в истории русской музыки. И это оттого, что в первую же минуту своего нарождения она себе наметила задачу великую и глубокую и осталась ей верна в продолжение всех 25 лет своего существования, и выполняла ее всегда с несокрушимым мужеством и энергией. В России музыкальных школ много — и в Петербурге, и в Москве, и в Киеве, и на Кавказе, и в разных других краях нашего отечества, но ни одна из них никогда не испытывает никаких превратностей. У всех у них жизнь течет кротко и мирно, никто их не затрагивает, никто на них не нападает, они в самом невозмутимом спокойствии продолжают свое дело, учат музыкальной грамоте, учат петь и играть, дают концерты, и никто ничего против них не имеет. Всякий твердо убежден, что они делают дело хорошее, полезное, даже вы-

соконациональное, что на них надо смотреть с симпатией, с почтением. И кто только может, старается помочь им: кто деньгами, кто своим влиянием, наконец, чем только может. Бесплатная музыкальная школа не пользовалась такою благодатью. К ней общество наше было благосклонно, но недолго, только в самом начале ее существования, пока большинству публики не было еще ясно, что такое именно эта школа, чего она желает, куда стремится. Но лишь только истинный смысл и направление Бесплатной музыкальной школы обозначились явственно, тотчас появились у нее бесчисленные враги, усердные, настойчивые, и уже во всю четверть века ее существования не переставали достаивать ее своего самого горячего внимания и преследования. Бесплатная школа не могла сделать ни одного шага, чтобы предпринятое ею не было тотчас выбранено, осмеяно, опозорено. Что она ни предпринимала, что ни приносила нашей публике, все оказывалось для публики и ее критиков либо плохим, либо ничтожным, либо фальшивым и вредным. Против Бесплатной школы проповедавались по-

ходы, предпринимались тщательно обдуман-
ные и искусно комбинированные сражения.
В лучшем случае от нее отвергывались с пре-
зрением и пробовали игнорировать ее, как
силу ничтожную и ни на что не годную.

Но отчего же такая разница в судьбах всех
наших музыкальных школ, с одной стороны,
и Бесплатной музыкальной школы — с дру-
гой? Отчего тут гнев, а там милость? Отчего
там симпатия, а здесь отвращение?

Оттого, что те школы не выходили из ра-
мок всего общепринятого, всего того, что вос-
принимается на веру с детства и потом всегда
свято хранится по преданию, всего того, к че-
му все давно привыкли, что не нарушает ни-
чьего образа мыслей, — а эта Бесплатная шко-
ла вздумала вдруг жить своим собственным
умом и инициативой, своим собственным по-
нятием и рассудком. Те школы все принадле-
жат к одному и тому же довольно бесцветно-
му и безличному типу. Они являются у нас
лишь сколком с немецких музыкальных
школ. У них нет никаких собственно своих,
им лично принадлежащих задач и стремле-
ний. Какие задачи и стремления есть у музы-

кальных школ в Лейпциге или в Берлине, в Вене или Мюнхене, теми самыми живут и дышат тоже и наши школы. Они смиренно прозябают с немецким клеймом на лбу. Они не чувствуют своего рабства и слепого подражания, а если и видят иной раз, то не чувствуют его унижительность. Они не понимают, да и понимать не желают, что что одной стране свойственно, что там законно и прекрасно, то, пожалуй, может и не годиться другой стране, то может еще там быть недостаточно и неудовлетворительно. «Разницы нет в музыке, нет в ней различий по странам, — восклицают закоренелые школьники и консерваторы. — Музыка — язык универсальный; она везде должна быть только одна и та же. Значит, и все средства к ее изучению и выражению одни и те же». Совсем другое думала всегда и представляла собой Бесплатная музыкальная школа. У нее был свой особенный тип и облик, не похожий на тип и облик прочих наших школ. Она являлась органом новых русских музыкантов-композиторов, прямых наследников и продолжателей Глинки и Даргомыжского. А эти новые музыканты во-

дружали знамя русской национальности в музыке и никогда ему не изменяли во все 25 лет существования школы. Они думали, что каждой стране принадлежит своя музыка, свой музыкальный склад, свой тип создания, а также, значит, свой тип выражения и исполнения. Многочисленные члены, входившие в состав школы, были всегда единомысленны со своими руководителями, горячо сочувствовали их новому почину и стремлениям, жили их успехами, глубоко соболезновали их невздам, всегда отражавшимся на школе, и выражали это не раз в своих единодушных заявлениях и адресах. Бесплатная школа, следуя инициативе своих руководителей, выступила провозвестницей и распространительницей русского искусства, русского музыкального творчества. Она глубоко преклонялась перед всем тем, что создано великого и чудесного европейским музыкальным гением, но несогласна была верить без разбора, как в фетишей, во все то, что в Европе признается великим и необычайным. Вот все это и вооружило против Бесплатной школы и ее руководителей большинство публики

и музыкальных критиков. Им не прощали собственной мысли и почина. Массы всегда консервативны, слепы и упорны, их очень трудно сдвинуть с насиженного места и устремить на новые пути. Но сила правды рано или поздно свое берет. Еще за два года до основания Бесплатной школы, в 1860 году, Даргомыжский писал к любимой своей ученице, Л. И. Кармалиной: «Многие оспаривают у нас возможность существования русской школы не только в пении, но даже в композиции. Между тем, она прорезалась явственно, тушить ее уже поздно. Не знаю, до какой степени суждено ей развиваться впереди, но существование ее уже внесено в скрижали искусства...» Но вот именно таким «тушением» занималась наша музыкальная публика и наша музыкальная критика всю последнюю четверть столетия. Целых три поколения публики и критиков были враждебны Бесплатной школе: во-первых, поколение времен глинкинских, наконец уразумевшее или, по крайней мере, признавшее Глинку после долгих гонений, во-вторых, поколение 60-х годов; наконец, поколение, нарожденное консерва-

ториями. Вражда эта иногда становилась настоящей травлей. Но Бесплатная школа была несокрушима: слишком здоровые, могучие силы наполняли и направляли ее. Про нее можно было сказать словами басни «Слон и Моська»: «Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет и лая твоего совсем не примечает...»

Вот эту-то особенную физиономию, эту-то самобытную деятельность и оригинальную участь Бесплатной музыкальной школы я и попробую нарисовать здесь.

В своих автобиографических «Записках» Г. Я. Ломакин так рассказывает начало Бесплатной школы. [1]

«В 1860-х годах Ломакин часто виделся с М. А. Балакиревым, В. В. Стасовым и А. Н. Серовым. Разговор обыкновенно шел у них о музыкальном прогрессе, о развитии искусства хорового пения, о превосходстве хора графа Шереметева (которого Ломакин был капельмейстером), и многие приходили в негодование, что такое музыкальное сокровище, как этот хор, доступно только малому числу слушателей, тогда как он должен быть общим достоянием... Ломакина вызывали на более внешнюю и обширную музыкальную деятельность. И. А. Мельников, любимый ученик Ломакина, подговаривал его составить городской хор. В. В. Стасов говорил: „Готовьте нам учителей, Гавриил Якимович, этого мало, что вы сами умеете учить: вас не будет — и кончено! Нет, оставьте после себя учителей“. М. А. Балакирев проводил мысль открыть Бесплатную музыкальную школу, к которой бы

примкнуло общество любителей, музыкантов, певцов и где его роль была бы управлять оркестром, а Ломакина — хором. Ломакин горячо ухватился за эту мысль, прельщаясь надеждою привлечь в эту школу массу народа со свежими голосами, дать возможность талантам бедных людей учиться бесплатно и, дав им музыкальное образование, составлять из них громадные хоры... М. А. Балакирев тоже имел свои золотые мечты. Широкое поле деятельности открылось перед ними, и они живо решили осуществить свои замыслы. Мелькнула мысль у Ломакина о хоре графа Шереметева, как средстве заручиться помощью на первых порах, но не легко было решиться беспокоить графа просьбою жертвовать своим береженным хором для публичного концерта. Однако устройство народной музыкальной школы — предмет столь уважительный, что можно было надеяться на патриотизм графа Шереметева. Он уступил просьбам Ломакина. Имея в своем распоряжении столь богатый материал, Ломакин занялся выборкою репертуара, присоединил к хору лучших своих учеников и учениц, а также

любителей и любительниц, и дал концерт в зале дворянского собрания 11 марта 1862 года в пользу открытия новой Бесплатной музыкальной школы. Сбор с концерта дал достаточные средства и возможность приступить к открытию Бесплатной школы. Испросивши разрешение генерал-губернатора и найдя временное помещение для первых собраний в зале Медико-хирургической академии, по содействию президента академии Дубовицкого, было объявлено в газетах об открытии школы 18 марта 1862 года. Любопытных явилось множество, с голосами и без голосов. Отслужили молебен. Ломакин обратился к присутствующим с маленькою речью о нравственной пользе искусства, коснулся первых правил музыки и самым удобопонятным способом перепробовал голоса, записал фамилии и назначил день для следующего собрания. Основание школы было положено с божьей помощью. На следующий раз собралось также много народу, но первые посетители, большею частью студенты и жители местных окрестностей, недолго ходили в классы пения. Лето прервало занятия, а в сентябре по-

мещение школы перенесли в здание городской думы, по ходатайству Н. Е. Малериуса, секретаря думы (он был певец-любитель, очень известный в то время). Явилось еще более желающих петь, всякого звания: чиновники, люди из купечества, ремесленники, студенты, много дам и девиц-любительниц, не имеющих средств учиться, но обладающих голосами и способностями. В то время еще не существовало нигде даровых классов пения. Были любительские кружки, не доступные массе народа; в этих кружках музицировали для своего удовольствия, не преуспевая в искусстве. Одно из таких обществ любителей инструментальной музыки М. А. Балакирев думал присоединить к нашей школе, чтобы стать во главе его, учить и дирижировать там, надеясь составить из них такой оркестр любителей-музыкантов, который бы в состоянии был исполнять сочинения русских новейших сочинителей, желающих попробовать и послушать свои творения в школьном кружке, прежде чем представлять их на суд публике. М. А. Балакирев, обладая громадным талантом, жаждал деятельности, стремился

принести пользу искусству. Но не было возможности сладить с любительским оркестром. Он оказался так слаб в знании музыки, что не мог производить что-нибудь порядочно, а учить каждого отдельно и иметь для каждого инструмента учителей — школа была не в силах. М. А. Балакирев побился, побился и распустил оркестр. С пением было легче сладить... Между женскими голосами оказалось несколько замечательных талантов. Таким Ломакин назначал особенные часы у себя на квартире. Мужчинам-солистам он также давал отдельные уроки. Затем Ломакин и Балакирев составили программу обучения в школе: элементарный класс, класс сольфеджио, одиночное пение, церковное пение, теория музыки, игра на скрипке для желающих сделаться впоследствии учителями церковного пения. Число желающих учиться в Бесплатной школе было с самого же начала так громадно, что граф Шереметев, стоя у окна своего дома, следил за приходящими в классы (в его доме) и ужасался их многочисленности: „Точно в церковь валят“, — говорил он своей старушке Татьяне Васильевне...»

В 1863 году наследник цесаревич Николай Александрович, удостоивавший школу особого своего внимания, изъявил свое согласие быть покровителем школы; по кончине его, его императорское высочество наследник цесаревич Александр Александрович, ныне царствующий государь император, принял школу под свое покровительство.

Итак, два русских музыканта, один уже 50-летний опытный педагог, воспитавший многие поколения русского юношества, другой 26-летний юноша, блестящий, смелый композитор, полный художественного почина и полный стремлений к тому, чтобы доставить торжество русской национальной школе, — вот какие два совершенно разнородных человека сошлись вместе и положили основание Бесплатной школе. Первоначальная мысль всецело принадлежала Балакиреву, но осуществлением своим эта мысль обязана Ломанину. Не будь последнего, Балакирев, очень может быть, никогда или, по крайней мере, долго не достиг бы своей цели. Тогдашняя же минута была для этого самая благоприятная. В конце 50-х и в начале 60-х годов Россия

словно воскресала к новой жизни. Бесплатные воскресные школы, общеобразовательные и художественные, возникали во всех концах России, интеллигентный класс повсюду устремлялся со всею горячностью души помочь общему невежеству, глубокой безграмотности массы. В эти дни всеобщего радостного светлого возбуждения Балакирев, первый в целой России, задумал помочь также и общей безграмотности музыкальной и создать такую же школу бесплатную для музыки, какие существовали уже под именем «школ грамотности», «школ рисовальных» и т. д., для общего образования и искусства. Это казалось ему тем более нужным, что основанная незадолго перед этим консерватория во все не соответствовала тогдашним потребностям. Она желала только насадить у нас немецкую музыкальную рутину и цеховой ремесленный склад; она высокомерно игнорировала русскую музыку и с презрением смотрела на русских композиторов, которых похвально всех называла «дилетантами». Новая консерватория вполне оправдывала свое имя: она была в высшей степени консерва-

тивна, всего более признавала только общепринятых «классиков» и не хотела знать ничего нового. Подобный образ мыслей не мог не возмущать До глубины души такого истинного музыканта, такого глубоко национального художника, как Балакирев. И он, оперевшись на своего старинного приятеля, искренне уважаемого им товарища по музыке, Ломакина, создал Бесплатную школу. «Воздадим русскому музыкальному обществу, — писал в 1863 году один из тогдашних музыкальных критиков, П. Сокальский, — полную дань уважения за его почтенные труды на поприще музыкального космополитизма. Мы признаем за его концертами достоинство превосходного развлечения для публики, но образовательное влияние они могли иметь только на немногих, которые к тому подготовлены.. Немалая заслуга Русского музыкального общества состоит также в том, что оно отчасти обрисовало Русскую партию. Многие у нас не верят в эту партию. Ее нет, говорят они. И точно, для нее есть теперь только готовые материалы; соединить их некому. Если бы Глинка был теперь жив, может быть, он соединил

бы их в своей сильно национальной личности; это был бы для них естественный глава, которому охотно подчинились бы разрозненные члены. Но теперь нет такой личности, и оттого центра для развития национального начала в музыке не образовалось у нас и не существует до сих пор. Тем не менее, некоторые элементы русского свойства успели сгруппироваться в Бесплатной школе, открытой в 1862 году».

Действительно, будь Глинка жив в начале 60-х годов, наверное, он никогда не был бы на стороне новоучрежденной «немецкой» нашей консерватории и постоянно возмущался бы ее антинациональным направлением. Наверное, он ко всему этому относился бы так, как относился во все последние годы своей жизни Даргомыжский, приятель Глинки и товарищ его по музыке. И вот именно настоящий их дух и направление были осуществлены в Бесплатной школе Балакиревым.

Когда основывалась Бесплатная школа, Ломакин представлял себе, что главная ее задача — развитие хорового русского пения. В этом смысле он вначале и направлял школу.

Но скоро все изменилось под влиянием сильной мысли и воли Балакирева. В первых двух концертах школы 1862 года он вовсе даже не участвовал: они вполне были посвящены хоровому исполнению, оркестр был маленький, и Ломакин царствовал в них безраздельно. Представителями инструментальных сочинений явились только увертюры («Иосиф» Мегюля, «Мелюзина» Мендельсона). Но они играли здесь роль единственно чего-то общепринятого, условного: надо же, дескать, начать концерт какой-нибудь увертюрой. И исполнить эту неизбежную церемонию Ломакин поручил одному из тогдашних дирижеров Карлу Шуберту. И тот открывал концерты игранными сотни раз классическими увертюрами Мегюля и Мендельсона. С 1863 года дело изменяется. Дирижером оркестра (уже большого, полного) выступает сам Балакирев, и все общепринятое, условное, классическое начинает исчезать. Свежая струя жизни и новизны влетает в концерты Бесплатной школы. Школа становится пропагандисткой новой музыки, русской и европейской. Ломакин невольно покоряется влиянию своего юного

приятеля и товарища и принимается исполнять в концертах школы такие создания, до которых прежде никогда сам собою не дотронулся бы. Хоры XV и XVI веков, хоры Галлуса, Йомелли, Перголезе, Лейзринга, Гайдна, Россини, Мендельсона начинают все более и более уступать место хорам Глинки, Даргомыжского, Шумана, Берлиоза, Кюи, Римского-Корсакова, Мусоргского. Все, что было слабого и бесцветного в старом классическом репертуаре, все, что прежде было так любезно Ломакину, как канва, по которой он мог вышивать со своим хором разные превосходные хоровые эффекты, не обращая много внимания на отсутствие истинной музыки, все это мало-помалу стало исчезать из концертов Бесплатной музыкальной школы. Удерживаются лишь сочинения истинно замечательные и характерные, как, например, некоторые хоры Глюка и Генделя, или такие истинно великие создания, как, например, «Реквием» Моцарта. Самое исполнение, оркестровое и хоровое, получает новый характер.

Еще за два года до основания Бесплатной школы Даргомыжский писал любимой уче-

нице, Л. И. Кармэлиной; Ежели вы сохранили в пении направление, данное вам здесь русскими композиторами (которые так усердно вами занимались), то я не удивляюсь вашим успехам (за границей). Естественность и благородство пения русской школы не могут не произвести отрадного впечатления посреди вычур нынешней итальянской, криков французской и манерности немецкой школ... Но что тут говорено было про пение солистов, то касалось и хоров, и оркестрового исполнения. Стоит только вспомнить, с какой антипатией еще Глинка отзывался о разных знаменитостях и модных европейских оркестрах, например, об оркестре Парижской консерватории, распреспрославленном на целый свет, но который, однакоже, казался ему только вычурным и жеманным, неестественным и преувеличенным. Новые русские музыканты, руководители Бесплатной школы, с Балакиревым во главе, наследовали взгляд Глинки и Даргомыжского на музыкальное исполнение и прилагали его на практике в концертах школы. Они глубоко преклонялись перед тем, что встречали правдивого, значительного, свое-

образного, великого в исполнении великих или талантливых европейских капельмейстеров и певцов, но несогласны были приносить в жертву нашу собственную индивидуальность, затушать нашу собственную личность и национальность. Самые сочинения русской музыкальной школы за последние полстолетия требовали своего особенного, самостоятельного исполнения, своим национальным складом и характером призывали к самобытности. И мало-помалу не только у русских певцов-солистов, но и у русского хора и оркестра сложился свой особенный склад и физиономия, в которых иногда мы и сами не даем себе отчета, по привычке, по близости к ним, но которые, несомненно, есть налицо. Всего явственнее мы их вдруг видим и сознаем, когда иностранцы пробуют по-своему, по общеевропейскому исполнять наши истинно национальные и музыкальные создания. Европейцы неспособны (до сих пор по крайней мере) схватить настоящий склад, дух и характер истинно русского музыкального создания и всегда передают его в странном, искаженном виде. Попробуйте послушать где-нибудь

в Европе исполнение русской оперы, русского романса, «Камаринской», «Чухонской», «Садко» так, чтоб в самом деле остаться довольным. Это покуда совершенно невозможная вещь. Исполнение это для нас невыносимо. Но то «свое», что еще со времен Глинки и Даргомыжского мало-помалу выработалось у нашего оркестра и хора, сохранилось всего более в своем наиболее настоящем, чистом виде в исполнении Бесплатной музыкальной школы, в ее концертах. Предания настоящего, верного исполнения их созданий по личному преданию перешли сюда прямо от самих Глинки и Даргомыжского. Истинный «канон» для всей русской музыки здесь был. Все прочие наши дирижеры, и концертные, и оперные, волей-неволей принуждены были прислушиваться к тому, как в этих концертах исполнялись и «Камаринская», и «Малороссийский казачок», и «Хота», и увертюра из «Руслана», и интродукция этой оперы, и «Восточные танцы» оттуда же, и лучшие места из «Русалки»; они должны были прислушиваться ко всему этому и, грызя удила, сообразоваться с камертоном, тут задаваемым.

Притом же, так как на нашей оперной сцене продолжали еще со времен Глинки выкидывать вон многие из самых капитальных частей «Руслана», почти все самое гениальное, то традиция исполнения все более и более забывалась. В одной только Бесплатной школе или в концертах, управляемых ее дирижером, исполнялись и притом с величайшим совершенством все эти чудные создания, 2-й и 3-й антракт, интродукция и «Лезгинка» целиком и т. д.

Весь этот самостоятельный почин, все это неизбежное для всех влияние и учительство стали скоро ненавистны большинству публики, большинству музыкантов и критиков. Раздались отовсюду крики досады, негодования, кровной неприязни. Одни жаловались, зачем нет в концертах Бесплатной школы симфоний Моцарта, Гайдна и вообще преобладания старинного репертуара прошлого и начала нынешнего века; другие недовольны были отсутствием виртуозов и плохой музыки, бывало прежде этими все только и исполняемой; еще иные презрительно глядели не только на сочинения новых композиторов,

которых они плохо разбирали, а потому и ненавидели, но и на самих Глинку и Даргомыжского, которые казались им, вследствие обычного нашего раболепства перед западным «классицизмом», лишь посредственными композиторами. Серов — тот даже вел во все продолжение 60-х годов ожесточенный поход против «Руслана», высшего создания всей русской музыки, и вместе против Шумана, Берлиоза и Листа, которые, вместе с Глинкой, были излюбленными авторами в концертах Бесплатной школы. Антипатия Серова к новым русским музыкантам была так велика, что, принявшись в 1864 году читать в Бесплатной школе лекции теории музыки, он нашел нужным и уместным уверять своих слушателей, что новые русские музыканты вовсе не способны сочинять симфоний, и потому их нет и не будет. Каково было удивление этих самых слушателей, когда, несколько месяцев спустя, они услышали в концерте 19 декабря 1865 года превосходную симфонию Римско-Корсакова! Впрочем, лекций Серова было всего — три. Ростислав жалостно плакался на неуважение старины и авторитетов, обзывал

новых русских композиторов «иконокластами», «радикалами», ниспровергающими все здание музыки. Критик Фаминцын обвинял новых русских музыкантов в «ненависти к Западу» и «необыкновенной симпатии ко всему восточному, понимая под этим именем все капризное, курьезное, одним словом неевропейское». Вследствие всего этого он признавал этих новых русских музыкантов «славянофилами-нигилистами».

Что касается концертов Бесплатной музыкальной школы и истинного их главы Балакирева, то как публика, так и критика относились к ним, в большинстве случаев, с полной антипатией, а иногда и решительной враждебностью. Правда, было еще время, когда некоторые критики признавались печатно, что под управлением Балакирева наш оркестр становится «неузнаваем», что Балакирев истинно талантливый дирижер, что исполнение его «полно жизни и огня», что делаемые ему (иногда) оvationи вполне заслужены, но потом эти же критики обвиняли Балакирева во множестве недостатков, а Фаминцын уверял даже, что в исполнении той или дру-

гой симфонии Бетховена «проглядывает иногда не столько желание, сколько обязанность играть, в числе другой музыки, сочинения и Бетховена». Критик Серов (прежде когда-то светлый прогрессист, а в это время ставший отчаянным ретроградом) шел еще дальше. Он говорил, что «ремесленных способностей к музыкальному делу никто и не думает отрицать у Балакирева», но у него «голова, неспособная мыслить. Такие люди не зодчие, а каменщики». Дирижировку Балакирева он находил теперь (в противоположность тому, что находил за 10 лет раньше) еще нимсе совершенно «ординарной» дирижировки Рубинштейна.

Все эти поверхностные, легкомысленные и сильно карикатурные суждения, все эти обвинения в дилетантстве, отсутствии истинного «знания», которым так долго подвергались во время оно и Бетховен, и Глинка, и Берлиоз, и Шуман, и все со стороны тупых шульмейстеров и непроходимых педантов, все эти бесконечные противоречия, все это слепое озлобление и вражда доказывали только одно: что старому русскому музыкальному миру прихо-

дилось куда как солоно от нового, нашедшего себе выражение в концертах Бесплатной музыкальной школы, что старый мир чуял себе в новых русских музыкантах и их великолепной деятельности коренного врага и неминуемую гибель. Темные массы были против школы. Лишь интеллигентное, наиважнейшее в деле прогресса, меньшинство было за нее.

Но пока шла вся эта боевая жизнь, полная тревог и волнений, неудач в одну сторону и удач в другую, во внутренней жизни самой школы произошли некоторые очень значительные изменения. В своих записках Ломакин описывает их так: «Выучившись петь в Бесплатной школе, некоторые из учеников пожелали быть вознаграждаемы за свой труд, иначе считали его непроизводительным. Желая быть участниками всех распоряжений, они роптали, что касса находится в руках учредителя (Ломакина), что все делается им произвольно, безотчетно, беспорядочно. Учение стали находить неудовлетворительным, потому что в школе нельзя сформироваться солистам, выбор пьес дурным, оркестр доро-

гим, все труды бесполезными, и к труженику Ломакину, жертвовавшему беззаветно своим здоровьем, временем и покоем для общей пользы, начали относиться с недоверием и подозрением. Появились даже статьи в газетах, которые его отрезвили. Вникнув в причину недовольствия учеников в Бесплатной школе, Ломакин сознался в своей административной неспособности и в несоблюдении формалистики. Непрактичный в делах, он предавался всецело своему учительскому труду и относился беспечно к остальным вещам, полагая, что все ведется исправно, так как были в школе на жаловании учителя, секретарь, библиотекарь, помощник. Были шнуrowые книги, куда записывались расходы и приходы, и отчеты печатались ежегодно в газетах. Силы и энергия Ломакина подорвались от первого толчка, и он не в состоянии был продолжать свои занятия в школе...»

С самого основания школы у нее не было никакого устава, и Ломакин управлял ею единолично и самостоятельно. Но 11 ноября 1867 года был утвержден министерством внутренних дел устав для школы, по которому управ-

ление делами ее, кроме директора, предоставлено совету, избираемому из среды членов-любителей. 28 января 1868 года Ломакин отказался от управления школою, и труд этот по уставу принял на себя Балакирев, как учредитель школы вместе с Ломакиным.

Как на осязательные результаты деятельности Бесплатной музыкальной школы, за первый период ее существования, надо указать, кроме концертов, на следующие факты. С основания школы в 1862 году и по окончании первой половины 1868 года в ней пребывала не одна тысяча человек учащихся, из которых многие, не имея вначале ни малейшего понятия о музыке, приобрели значительные познания, так что образовали два церковных хора (при греческой церкви и при церкви министра внутренних дел); кроме того, многие из учеников школы участвовали в разных других хорах: придворной певческой капеллы и дворцовой церкви великого князя Николая Николаевича, в Почтамтском хоре, в хоре русской оперы, в хоре Русского музыкального общества и др. Наконец, некоторые из молодых людей, первоначально учивших-

ся в школе, впоследствии сделались известными певцами-солистами на оперной сцене: таковы были И. А. Мельников на петербургской, Гиляров — на киевской и т. д.

В начале второго периода, скажем несколько слов о внешних подробностях быта Бесплатной школы. С переходом Бесплатной школы в новое управление, нельзя было ей долее пользоваться помещением в доме графа Шереметева (где происходили спевки и хранились все документы). По ходатайству Балакирева, принадлежавшего в то время (1867–1868) к числу директоров Русского музыкального общества и управлявшего его концертами, дирекция этого общества дала Бесплатной школе помещение в своем доме, для всех ее принадлежностей и заседаний ее совета. С выходом Балакирева из Русского музыкального общества в апреле 1869 года школа лишилась и этого помещения. Потом она несколько времени помещалась в квартире почетного гражданина Сидорова, сочувствовавшего школе; затем в здании министерства внутренних дел, в квартире министра, оставшейся одно время незанятою; наконец, в 1871 году получила помещение в здании городской думы, где и по настоящее время про-

должает свои занятия, спевки и заседания совета.

Члены совета, избравшиеся по большинству голосов, обсуждали и решали все дела школы. Директор имел голос лишь наравне с прочими членами. Членами совета бывали постоянно и женщины, так что вместе с гг. Соловьевым, Трифоновым, Ивановым, Берманом, Цирусом, Старорусским, Наумовым, Марковым, Карминым, Исполатовским, Буслаевым, Мироновым и Хмызниковым, в разное время состоявшими членами совета, там же заседали и действовали г-жи Хвостова, Чертова, Садовникова, О. и Ю. Веселовские, Цванцигер, Петрова, Роборовская.

Должность казначея также исправляли то мужчины, то женщины. Так, например, первым казначеем был, с 1868 по 1876 год, г. Соловьев (вообще один из деятельнейших и полезнейших членов-администраторов школы), а в 1876 году его место заняла г-жа Роборовская.

Должности секретаря и библиотекаря исполняли, в разное время: гг. Лазарев (бывший секретарем еще при Ломакине), Старорусский, Берман, Попов, Онуфриев, Наумов, Ис-

полатовский, Буслаев.

Во время Ломакина главным преподавателем был он сам. Помощниками его были: его младший брат Степан Якимович Ломакин, учителя гг. Барышев (в младшем классе), Алабышев и Коноплев (в старшем). После выхода Ломакина из Бесплатной школы, в 1868 году, учителями были: гг. Барышев, Алабышев, Коноплев, Брянский, Берман и Рубец, г-жа Садовникова. Короткое время состоял при Бесплатной школе учителем также и г. Помазанский.

Кто, как я, присутствовал на всех концертах Бесплатной школы, знает, что с тех пор, как Балакирев остался один распорядителем их, они еще более возвысились в своем составе. Исчезло остальное слабое или бесцветное, что еще иногда появлялось в концертах школы, вследствие личных вкусов Ломакина (не всегда достаточно строгих и очищенных), исчезло то, что в хоровом исполнении, не взирая на общее превосходное исполнение Ломакина, бывало у него иногда излишне сладко и изнеженно. Как состав концертов, так и выполнение в них стали теперь еще выше, прав-

дивее, могучее, горячее и энергичнее. Эти именно качества и заставили Русское музыкальное общество пригласить Балакирева управлять концертами общества, после того, как А. Г. Рубинштейн, осенью 1867 года, расстался с обществом и покинул его (это событие произошло, как тогда писал в «Голосе» критик Ростислав, вследствие «абсолютизма и деспотизма Рубинштейна»). Балакирев имел несколько искренних друзей и поклонников среди дирекции Русского музыкального общества. Главным был Кологривов, который всего более способствовал приглашению его в общество. Но они вдвоем не могли переделать всех, не могли создать у массы новый образ мыслей, не отсталый и не темный. То, что Балакирев начинал и выполнял в своей Бесплатной школе, то он начал было проводить в концертах и вообще музыкальной деятельности Русского общества. Тут уже началось против него восстание по всей линии. Кто и молчал до тех пор и про себя негодовал, поднял голову и стал протестовать из всех сил. В сезон 1867–1868 года концертами Музыкального общества дирижировал, поочередно

с Балакиревым, Берлиоз. Он от всей души полюбил юного своего товарища, высоко ценил его талант и дирижерство и, уезжая, подарил ему свою капельмейстерскую палочку. И что же? После его отъезда враги Балакирева в музыкальном обществе вздумали воспользоваться великим французским музыкантом и его авторитетом, для того чтобы низвергнуть Балакирева. Вздумали призвать из Германии какого-то совершенно ничтожного, бездарного капельмейстера Зейфрица, чтобы им заменить Балакирева, которого решили вытеснить вон. И вот Берлиоз написал мне тогда: «Я получаю письма из России и Германии, где с меня требуют вещей невозможных. Хотят, чтобы я сказал много хорошего про одного немецкого артиста (Зейфрица), но с тем, чтобы я худо отозвался об одном русском артисте (Балакиреве), который, напротив, имеет право на величайшие похвалы. Что это за чортов народ?» (Письмо от 21 августа 1868 года, теперь уже напечатанное «Переписке» Берлиоза). Эти и другие подобные же интриги и злостное доброжелательство кончились тем, что Балакирев должен был окинуть Русское

музыкальное общество в начале весны 1869 года. Это не могло не возмущать до глубины души истинных музыкантов, и Чайковский напечатал в «Современной летописи» (1869, № 16) статью, где говорилось: «...Балакирев заявил себя в высшей степени энергическим деятелем на поприще собственно русской, музыки. Указывая на Глинку, как на великий образец чисто русского художника, Балакирев проводил своею артистическою деятельностью ту мысль, что русский народ, богато одаренный в музыке, должен внести свою лепту в общую сокровищницу искусства... Балакирев был незаменимо-полезный член Русского музыкального общества. Он издал превосходный сборник русских народных песен, открыв нам в этих песнях богатейший материал для будущей русской музыки. Он познакомил публику с великими произведениями Берлиоза. Он развил и образовал несколько весьма талантливых русских музыкантов, из коих, как самый крупный талант, назовем Н. А. Римского-Корсакова. Он, наконец, дал возможность иностранцам убедиться в том, что существует русская музыка и русские компо-

зиторы, поставив в одном из музыкальнейших городов Западной Европы, в Праге, бессмертную оперу Глинки „Руслан и Людмила“...»

Оркестровое исполнение Балакирева Чайковский называл «отличным», хор — «хорошо обученным». Потом продолжал:

«Но каково было удивление русской публики, когда она узнала, что дирекция Русского музыкального общества находит деятельность Балакирева совершенно бесполезною, даже вредною, и что в капельмейстеры приглашен некто, еще незапятнанный запрещенною нашими просветителями склонностью к национальной музыке. Не знаем, как ответит петербургская публика на столь бесцеремонное с нею обхождение, но было бы очень грустно, если б изгнание из высшего музыкального учреждения человека, составлявшего его украшение, не вызвало протеста со стороны русских музыкантов. Наш скромный голос есть в настоящем случае выразитель общего всем русским музыкантам тяжелого чувства... Балакирев может сказать те-

перь то, что изрек отец русской словесности, когда получил известие об изгнании его из Академии наук: „Академию можно отставить от Ломоносова, но Ломоносова от академии отставить нельзя“.

Со своей стороны я, хотя и не музыкант, тоже говорил тогда в «С.-Петербургских ведомостях»:

«Немецкая музыкальная партия у нас торжествует; русская, с Балакиревым во главе, унижена, отвергнута... Балакирев пал жертвой немецкой рутины и незнания. Каких только бездарностей не выдвинули против него, чтоб заменить его или ратовать против него в печати. Ни талант, ни знание, ни самые горячие, чудесные стремления — ничто не помогает. Но авось когда-нибудь и на немецкую музыкальную партию придет управа».

Сторонники ретроградства и консерватизма ликовали. Серов писал, отвечая мне (в «Голосе», 1869, № 145): «Нет у нас никакой партии, ни русской, ни немецкой, а есть гнездо самохвало-интриганов, которые хотят орудо-

вать музыкальными делами для своих личных целей, отстраняя высшие цели искусства на задний план. Падение Балакирева, а вместе с ним и его „лагеря“ — дело вполне логичное и справедливое». Другой тогдашний критик, Ростислав, восклицал, также отвечая мне: «Не немецкая враждебная партия сгубила Балакирева, а сгубил его и вконец скомпрометировал тот же кружок, который превозносил его через меру и не позволял ему подчиняться законным требованиям Русского музыкального общества (на счет необходимости большого классицизма). Можно ли вручать участь концертов Музыкального общества человеку, который заведомо принадлежит и поддерживается кликою разрушителей?» Этот самый Ростислав устроил даже при Русском музыкальном обществе особый комитет, который должен был «противиться зловредному наплыву людей, отрицающих пользу музыкальной науки (!) и уничтожающих все авторитеты в музыке». Но Балакирев и не думал «падать», «погибать». Выйдя из Русского музыкального общества, как среды, вовсе ему не свойственной и не подходящей,

он с прежним жаром и энергией продолжал вести дело Бесплатной школы. На свой выход из Русского музыкального общества он отвечал целую серию абонементных концертов Бесплатной школы в сезоны 1869–1870 и 1871–1872 годов, — концертов, которые все были посвящены исполнению величайших созданий новой русской и новых европейских школ. И один из самых коренных противников новой русской музыки и новых русских музыкантов, Ларош, должен был признаться («Голос», 1874, № 18), что от 1865 до 1870 года «кружок Бесплатной школы сделал огромные успехи в отношении кредита и влияния... Враждебность театрального ведомства удесятерила обаяние и популярность кружка...» Могло ли оной быть иначе, когда и сам Балакирев в этот период возмужал и вырос во всю свою величину, да с ним выросли и поднялись во всем могуществе и красоте своего таланта его товарищи, еще так недавно бывшие только его учениками: Кюи, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, т. е. все те люди, которыми гордится новая русская музыка! В начале 60-х годов они только принимались за

свое дело; теперь они были уже могучие, пышно расцветшие таланты, чьи великолепные произведения наполняли теперь концерты Бесплатной школы. Могло ли оно также быть иначе, когда один из них, Кюи, с талантом композитора соединял талант музыкального писателя, критика и своими бесчисленными фельетонами в «С.-Петербургских ведомостях» в продолжение второй половины 60-х годов и целой первой половины 70-х годов (1864–1874) с талантом, блеском и энергиею сражался за русскую музыку, русских композиторов и Бесплатную музыкальную школу и старался водворять истинные, здоровые музыкальные понятия.

Могло ли при таком накоплении талантов не оказаться на стороне школы некоторых «успехов в отношении кредита и влияния»? Ведь и среди музыкальной публики есть люди интеллигентные.

Но, конечно, такие успехи и влияние не могли быть приятны какому из консерваторов, особенно Ларошу, который вообще и про всю-то новую европейскую музыку отзывался таким образом, что «с 20-х годов нашего сто-

летия она не только не оказала успехов, но проявляет несомненное и сильное падение» («Русский вестник», 1869, июль). Как же должен он был смотреть на новых русских музыкантов? Конечно, только как на «дилетантов». И он это высказывал много раз в петербургской и московской печати. К этому он прибавлял: «В либерализме этих музыкантов для России не было никакой надобности».

Что касается до исполнения всех этих «ненужных либеральных созданий», то Серов уверял, в 1869 году, что «самый последний музыкант из водевильного оркестра продирижировал бы и „Героическую симфонию“ Бетховена, и „Реквием“ Моцарта лучше Балакирева, так как у оркестровых музыкантов есть в этом своя традиция, у Балакирева же нет собственного вкуса и разума...» И это говорилось по поводу великих симфоний Бетховена, по поводу «Реквиема» Моцарта, всё созданий, к которым любовь, удивление, обожание у Балакирева, вместе со всеми его русскими товарищами по искусству, были безграничны! Впрочем, Серов сам себя и побивал собственными руками: не далее как через три

недели, после всех этих клевет и гнусных на-
праслин, он писал в том же «Голосе» (1869,
№ 145), что «при большей образованности и
большем беспристрастии Балакирев мог бы
быть отличным дирижером».

Таким образом, опять, как в начале 60-х го-
дов, среди непрерывных боев, нелюбви пуб-
лики, нападков критики, неудач, но также и
торжеств, проходила жизнь Бесплатной шко-
лы в конце 60-х годов. И члены школы очень
хорошо понимали значение Балакирева и со-
знавали то, чем все они ему обязаны. Это они
выразили ему 30 мая 1869 года на торже-
ственном собрании в зале городской думы.
Балакиреву были поднесены адрес, серебря-
ный венок и серебряная группа, и при этом, у
подножия бюста Глинки, поставленного, по
поводу Троицына дня, на думском столе, под
аркою из березок, было произнесено несколь-
ко речей, живо характеризующих отношения
Бесплатной школы к ее директору.

Один из главных членов совета, М. В. Соло-
вьев, сказал, между прочим:

*«...Несмотря на ограниченность
средств школы, несмотря на очень хо-*

рошо известные всем нам действия враждебной нам партии, не раз находившие себе выражение и в печати, ваши редкие музыкальные способности и громадная энергия вывели школу на тот национальный, самостоятельный путь, который составляет истинную задачу нашей школы, и поставили ее, без всякого сравнения, выше остальных петербургских музыкальных учреждений, несмотря на то, что эти последние обладают гораздо большими финансовыми и другими средствами для своей поддержки... С тех пор, как Бесплатная школа находится под вашим управлением, мы с каждым годом все более уважаем вас, как директора школы и высокоталантливое капельмейстера...»

П. С. Марков закончил свою речь так:

«...Я позволю себе, от лица отсутствующих товарищей, высказать вам наше спасибо за все вами сделанное для нашей пользы. Дай бог, чтобы школа еще долго оставалась под вашим талантливом и умным управлением!»

К. Ф. Черткова сказала:

«...Нас часто, особенно в последний сезон, смущали слухами, что наша школа падает, не раз приходилось нам даже читать в печати, что она в скором времени совершенно закроется. Но последние концерты доказали, что школа наша не только не падает, но, напротив, растет, процветает. Приписывая такие успехи вашему таланту, энергическому управлению, я от имени наших дам приношу вам искреннюю благодарность за все предпринятое вами для школы, и вместе с тем прошу не оставлять ее, но продолжать вести в том же духе, в том же направлении, не придавая ни малейшего значения всевозможным выходкам наших недоброжелателей. Будьте уверены, что мы всегда вам сочувствовали и будем сочувствовать, и всеми силами будем помогать вам во всех ваших трудах».

Н. П. Юрьев сказал:

«...Благодаря вашей ни перед какими помехами и препятствиями неугасающей энергии, Бесплатная школа заняла высокое место в нашем музыкальном

мире... Только одна истинная любовь к делу, не успевшему еще установиться на твердой почве, когда вы его приняли в свои руки, могла подвинуть его так, как это случилось под вашим управлением; только таким высоким талантом и умением управлять школой, как ваши, можно объяснить то, что люди всех сословий, с разных концов столицы, толпой стекаются в школу, вами управляемую...»

Наконец, великий наш художник, певец О. А. Петров, бывший также в зале в числе гостей, сказал Балакиреву:

«Позвольте и мне выразить вам мое удовольствие, что мне случилось быть свидетелем вашего торжества. Мне пришли на память слова нашего гениального Мих. Ив. Глинки, который всегда предсказывал вам великий музыкальный талант, а Даргомыжский, в последнее время своей жизни, говоря о вас, постоянно называл музыкальным орлом! Нынче я вижу осуществление их предсказаний и мысли. Все общество довольно вашими указаниями и руководством, художники высоко це-

нят ваши сочинения, все стараются выразить вам свою благодарность и сочувствие. Мне остается только поздравить вас от души, искренно и, пожелав таких же успехов и впредь, обнять вас как достойного преемника Глинки и Даргомыжского».

Концерты Бесплатной школы в течение 1870–1872 годов шли с прежней энергией, старательностью и совершенством, программы их продолжали заключать в себе великолепный музыкальный материал, по преимуществу создания новейших школ, русской и европейских. Но насколько больше становились симпатии к ним лучшего, музыкальнейшего меньшинства, настолько же все более и более охлаждалась к ним наибольшая, темная масса публики. В сезон 1871–1872 года Балакирев не имел возможности дать последнего (5-го) абонементного концерта, так как взносов абонентов было недостаточно для покрытия расходов. Концерты на время прекратились в ожидании лучших обстоятельств, а в 1874 году Балакирев сложил с себя звание директора школы.

IV

Вскоре по выходе Балакирева из Бесплатной школы место его заступил, по предложению совета школы, Римский-Корсаков. Выбор не мог быть счастливее. Кроме того, что он был высокоталантливый композитор, один из значительнейших наших музыкальных художников, представителей новой русской школы, он был также превосходный техник и педагог. Подобно Балакиреву, он издал великолепный «Сборник русских песен», им записанных из уст самого народа и гармонизированных с глубоким пониманием русского музыкального духа.

Заниматься Бесплатною музыкальною школою Римский-Корсаков стал с осени 1874 года, с энергией и великим рвением. Состав учителей был попрежнему удовлетворительный. Сюда принадлежали, в период его управления школою: гг. Мухин, Пасхадов, г-жи Садовникова, О. П. Веселовская; но Римский-Корсаков и сам вел все спевки и большинство классов. В первое время он обратил особое внимание на выполнение хоров а

сарелла старых итальянских и немецких композиторов и достиг в исполнении их блестящих результатов. Первые два концерта под его управлением, один 25 марта 1875 года, другой 3 февраля 1876 года, были наполнены хорами а сарелла Аллегри, Палестрины, отрывками из ораторий и месс Баха и Генделя. Но он почувствовал, что это есть в некотором роде отклонение от целей и блестящего, самостоятельного прошлого Бесплатной музыкальной школы, от ее самобытного почина, и потому он возвратился к программам, совершенно однородным с прежними программами концертов Бесплатной школы. Блеск концертов возобновился, тем более, что в них появлялись с каждым почти разом все новые и новые талантливейшие создания русских композиторов: Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, Кюи; возобновлялись также в исполнении прежние сочинения Балакирева и его товарищей, почти никогда не исполняемые в других концертах; наконец, воспроизводились также капитальнейшие сочинения европейских композиторов нашего века.

При таком составе отношения публики и

критиков к концертам Бесплатной школы остались прежние. В эту пору в концертах Русского музыкального общества уже исполнялись сочинения новых русских и европейских композиторов, но изредка, в виде исключения или снисходительности, и, повидимому, это более было сносно, более приходилось публике по ее вкусу. Поэтому она несравненно более посещала концерты Русского музыкального общества, они казались ей и более «авторитетными», и более настоящими, и «правоверными». Новые русские музыканты с Бесплатной школой представлялись ей только славянофильскими сектантами: хотя и талантливыми, но слишком исключительными раскольниками. Она с неудовольствием и антипатией сторонилась от этих «изуверов».

Что касается до критики, то она продолжала быть враждебна Бесплатной музыкальной школе, как и в прежний период. Но прежнее поколение критиков, Серовы, Ростиславы, Фаминцыны, сошло со сцены и заменилось писателями, получившими образование в консерваториях или по образу мыслей примы-

кавшими к консерваторскому направлению. Во главе их стоял Ларош, которого музыкально-критическая деятельность началась еще в конце 60-х годов, но который и в 70-е перенес свои затхлые консервативные взгляды, свою ненависть или презрение ко всей почти той музыке, которой не было 300, 200, 100 лет от роду. Для него музыка самого Бетховена являлась «падением» с прежней высоты, — что же должен он был думать о Листе, Берлиозе, Шумане и всех новых русских музыкантах? Один Глинка казался ему заслуживающим исключения из его «анафем» и жалоб, воплей против современного упадка музыки. Прочие новейшие критики, гг. Соловьевы, Галлеры, Ивановы и др., не обладая ни его умом, ни знаниями, ни даровитостью, стояли еще неизмеримо ниже этого врага новой музыки и с примерным отсутствием всяческого понимания и вкуса, словно совершенно глухие и слепые, никогда не переставали нападать на новых русских композиторов, а с ними вместе, конечно, и на Бесплатную школу. Критика этих писателей, только забавная по своей малой толковости и полной недаровитости,

печальна по своему беспредельному невежеству.

Но такое отношение публики и критики ничуть не ослабляло деятельности Бесплатной школы, энергии ее управителя. И это не взирая на то, что Римский-Корсаков много времени отдавал композиции: именно во время своего директорства он создал одно из высочайших русских музыкальных произведений — оперу «Снегурочку». Школа глубоко ему была благодарна за его истинно самоотверженную деятельность, глубоко симпатизировала ему, и когда в начале 1881 года Римский-Корсаков вынужден был по крайнему накоплению обязательных занятий отказаться от звания директора, Бесплатная школа высказала ему в прощальном адресе свои чувства симпатии и уважения.

«В продолжение семи лет находясь во главе нашего небольшого общества, — было сказано в адресе, — вы трудились для него с присущим вам терпением и настойчивостью, имея в виду одну только цель — неуклонно вести Бесплатную школу по тому пути, который назначен ее учредителями. Вы энергич-

но исполнили принятую на себя обязанность, и только ваше рвение и любовь к делу помогли школе переживать те невзгоды, которые не раз выпадали на ее долю. Оглядываясь в прошлое, мы не можем не видеть и не чувствовать благородного влияния, которое вы имели на нас, — влияния высокоодаренного руководителя-труженика, своим примером побуждавшего всех членов школы вносить посильную лепту в сокровищницу общего дела. Бесконечно благодарные за все труды ваши на пользу Бесплатной школы, мы расстаемся с вами, полные глубокого уважения к вашей деятельности, и просим верить, что Бесплатная школа никогда не перестанет чтить в лице вашем своего неутомимого высокоталантливого руководителя»

По просьбе совета Бесплатной школы, Балакирев решился снова вступить в должность директора школы в середине 1881 года, а когда в первом же после того концерте, 15 февраля 1882 года, он снова явился во главе хора и оркестра, то ему был поднесен от Бесплатной школы и многочисленных почитателей, вместе со множеством венков и богатых подношений, адрес, где было сказано:

«Создатели русской музыки, Глинка и Даргомыжский, еще в дни первой вашей молодости признали в вас своего преемника и продолжателя. Многолетнею своею деятельностью вы осуществили их ожидания. Собственными высокими созданиями и благотворным влиянием на современное наше музыкальное поколение вы, во главе даровитых товарищей, упрочили за русскою музыкальною школою также самобытное и народное значение, которое громко признано и у нас на родине и среди высших представителей музыки на Западе. Немало враждебности и даже невзгод привелось вам испытать вместе со всею но-

вою нашу школу со стороны упорного музыкального консерватизма. Друзья и почитатели с горестью видели временное и добровольное удаление ваше с поприща истинного служения вашей родине и, радостно приветствуя сегодня ваше возвращение к прежней деятельности, горячо надеются, что отныне вы не покинете более того пути, на котором вы, несомненно, поможете отечественной музыке шагнуть еще далее вперед».

Эти искренние пожелания осуществились. Прошедшие с этого концерта пять лет снова наполнены были не только для всего русского музыкального дела, но и специально для Бесплатной школы, самую энергическую деятельность как бы воскресшего снова для музыки Балакирева. В следующем же сезоне он исполнил в концерте школы 27 февраля 1884 года высшее свое создание — симфоническую поэму «Тамара», в других концертах представил капитальные произведения появившихся вновь русских композиторов, например, высокоталантливую, великолепную симфонию Глазунова, увертюру Ляпунова и т. д., и вместе снова начал выполнять все замеча-

тельнейшие создания новых русских и европейских музыкантов. Бесплатная школа ревностно помогала своему главе во всех его начинаниях, особенно благодаря неусыпным стараниям нового, почти совершенно одинокого преподавателя и управляющего хором Г. О. Дютша, и общими их усилиями был дан в конце 1886 года, в память Листа, великого ревнителя и почитателя новой русской школы, такой торжественный и великолепный концерт, весь из его произведений, какого нигде в Европе не было дано в память Листа после его кончины.

Но обзревая всю историю Бесплатной музыкальной школы, нельзя не вспомнить с глубокою симпатией того, что делали для нее в самые трудные минуты ее существования отдельные лица из среды публики. Выше было упомянуто, что в сезон 1872 года абонементные концерты не могли быть доведены до конца по недостатку материальных средств. В разные другие годы могло повториться то же самое, но всякий раз являлись на выручку личности, горячо сочувствующие школе. Во главе их, можно сказать, всегда и

неизменно была сестра Глинки, Л. И. Шестакова, глубоко и искренно желавшая успеха такому учреждению, которое стремилось продолжать и распространять дело, начатое ее великим братом. Товарищами Л. И. Шестаковой в сочувствии и помощи школе являлись, в течение последнего десятилетия, почетные члены: И. Ф. Громов, А. И. Громова, Е. П. Глазунова, А. П. Сазикова, В. Ф. Пургольд, И. М. Барч, К. Н. Вельяминов. Благодаря их участию, недостаточные материальные средства школы быстро пополнялись, и концерты становились возможны.

Бесплатная музыкальная школа празднует 12 марта 1887 года окончание первого двадцатипятилетия своего существования. Роль ее была до сих пор грандиозна и чудесна. Школа идет попрежнему на всех парусах. Кажется, ей в будущем предстоит еще великая роль в истории русской национальной музыки.

1887 г.

КОММЕНТАРИИ

«ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ БЕСПЛАТНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ». Впервые статья была опубликована в 1887 году («Исторический вестник», март).

Бесплатная музыкальная школа была основана в 1862 году М. А. Балакиревым и Г. Я. Ломакиным (о работе Бесплатной музыкальной школы и о Ломакине см. статью «Три русских концерта», т. 1). Школа явилась детищем тех новых демократических настроений русского общества, которыми характеризовался период конца 50-х и начала 60-х годов. Стасов правильно связывает организацию школы с настроениями передовой русской интеллигенции того времени. Бесплатная музыкальная школа преследовала музыкально-просветительские цели и сыграла положительную роль в деле распространения музыкального образования. Это было демократичное учреждение, в котором обучались студенты, служащие и рабочие. Стасов, восторгавшийся художественной одаренностью русского народа,

радовался всяческому проявлению его самостоятельности, приветствовал его порывы к образованию, к овладению профессиональным мастерством в области искусства и отдал немало сил в борьбе с реакционной политикой правительства, направленной на умственное и духовное закабаление народа (см. статью «На выставках в Москве» и комментарии к ней, т. 2). Вот почему он горячо поддерживал Бесплатную музыкальную школу с момента ее организации. Деятельность школы имела тем большее значение, что ее руководство возглавлялось такими замечательными прогрессивными мастерами русской музыки, какими являлись М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков. Музыкальные взгляды организатора школы — Балакирева формировались под мощным воздействием Глинки и не менее благотворным влиянием Стасова, с которым Балакирев был связан многолетней дружбой. В «балакиревском» кружке вырастали новые великие деятели музыкального искусства — «могучая кучка» композиторов. Руководство М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова обеспечило школе громадную

положительную роль в деле пропаганды русской реалистической и лучших образцов западноевропейской музыки. Стасов правильно отмечает, что Бесплатная музыкальная школа «являлась органом новых русских музыкантов-композиторов, прямых наследников и продолжателей Глинки и Даргомыжского». По сути дела школа стала ареной «могучей кучки», так горячо поддерживаемой Стасовым. Ее слушатели широко привлекались к исполнению хоровых музыкальных произведений. Концертные программы школы носили прогрессивно-новаторский характер. Концерты в результате тщательного отбора лучших произведений и прекрасного исполнения имели большой успех. Данное Стасовым в начале статьи указание, что школа в свое время была принята императором под личное покровительство, является лишь констатированием факта, которого автор не мог обойти в силу цензурных условий. Фактически деятельность школы протекала в атмосфере недоброжелательства и постоянных резких нападок со стороны консервативной критики и реакционно-бюрократических

кругов, о чем, конечно, царь-«покровитель» был хорошо осведомлен. Балакиреву, Римскому-Корсакову и Стасову приходилось выдерживать большую борьбу за существование школы.

Следует отметить, что правильно оценивая деятельность школы по распространению музыкального образования и пропаганде русской реалистической музыки, Стасов в данном случае ошибочно противопоставляет Бесплатную музыкальную школу консерваториям. Ярый противник косности и рутины, борец против космополитических тенденций в области искусства, Стасов, видя эти черты в деятельности консерваторий и резко выступая против них, приходил к неверному выводу о нежелательности консерваторий вообще (см. статью «Тормозы нового искусства и комментарии к ней, т. 2). Однако, оценивая достижения русской музыки к концу XIX века, он сам показывает ряд замечательных фактов, демонстрирующих успех консерваторий по подготовке профессиональных музыкальных кадров (см. „Искусство XIX века“, т. 3). О протесте П. И. Чайковского против гонений на

Балакирева см. „Заметку на статью П. И. Чайковского“ (т. 1). О преподнесенном Балакиреву в 1882 году адресе см. статью „Концерт Бесплатной музыкальной школы“ (т. 2).

Примечания

Я делаю здесь значительную выписку из автобиографии Ломакина, так как и самая эта автобиография написана была им по моей просьбе в 1883 году, именно ввиду приближавшегося двадцатипятилетия школы. — В. С.

[^^^]